

ЖИВЫЕ СЛОВА

Делегат, присланный рабочими Западной Германии из города Бонн, окончил свою речь, и мы решили, что больше, вероятно, ничего интересного для с'емки на этом митинге не будет.

Площадь еще гудела от многочисленных рукоплесканий, когда на трибуну поднялся человек, заставивший наших операторов снова вынуть свои аппараты. Это был пожилой рабочий, одетый в обычную для портовых грузчиков куртку и темную фуражку-«тельмановку», из-под которой виднелись густые серебряные волосы, оттенявшие смуглое мужественное лицо.

Прежде чем начать говорить, он высоко поднял в вытянутой руке листок бумаги и некоторое время держал его над толпой, словно желая дать возможность каждому рассмотреть, что написано на этом листке.

В установившейся тишине раздался его неожиданно сильный голос:

— Здесь написаны, — начал рабочий, — слова великого писателя рабочих, такого же пролетария, как мы с вами. Слова Максима Горького. Слушайте их, и пусть ваш уважаемый коллега, делегат из Бонна, передаст эти слова своим товарищам. Слушайте!

Оратор взял бумагу в обе руки, прочитал громко, выразительно, с той силой душевного убеждения, которая проявляется у людей труда, редко произносящих речи и неколенимо верящих в то, что они говорят.

— Солидаризируйтесь с коммунистической партией — единственным вождем рабочего класса, — читал он, — следуйте примеру рабочего класса Союза Советов, изучайте его работу; вооружая капиталистов ваших для войны, не забывайте, что ружья, пушки, газы, выработанные вами, могут быть и будут употреблены против вас; не забывайте, что если ваши капиталисты решатся на войну против Союза Советов, это будет война и против вас! История призывает вас от работы на дальнейшее закрепощение, на истощение и вымирание ваше — к службе революции, к борьбе за ваше право быть хозяевами вашей жизни.

Записки кинорежиссера

Оратор снова поднял бумагу над головой.

— Мне нечего прибавить, коллеги! — закончил он.

Площадь ответила многоголосым троскратным «Гох!».

На трибуне боннский делегат крепко жал руку рабочего и просил:

— Отдайте мне эту бумагу, товарищ, быть может, я не все смогу запомнить, а эти живые слова должны быть переданы точно.

Живые слова... Два десятилетия назад сказал эти слова великий пролетарский писатель, но они живут, словно произнесенные только сейчас. Они не поблекли, не утратили своей силы потому, что в них заключена светлая правда разума, горячее желание русского исполнина помочь человечеству выйти на дорогу мира и счастья.

Простые, ясные, доходящие до сердца каждого слова всколыхнули огромный митинг. Вдруг зазвучали молодые звонкие голоса. Их поддерживали другие, и над площадью взлетела знакомая революционная песня. Ее пели по-немецки, но трудно было нам, советским людям, удержаться и не повторять слова этой песни по-русски.

«В бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут!».

Знаменосцы высоко подняли разноцветные знамена, и огромная масса двинулась к причалам порта. Колонны выравнились на ходу, пропуская вперед юных пионеров в синих галстуках и с живыми голубями в руках. За ними двинулись отряды Союза свободной немецкой молодежи.

Шли делегации многих земель и районов Германии. Шахтеры Саксонии, крестьяне Тюрингии, рабочие Мекленбурга, Бранденбурга. Шли студенты, ученые, артисты. Над ними плыла боевая русская песня, рожденная в дымных кварталах старого Сор-

мова или на окраинах Выборгской стороны Петрограда.

...Так было 2 октября 1949 года в Международном день борьбы за мир в портовом городе Анклам, на берегу Балтийского моря.

Колонны подошли к массивным причалам, возле которых покачивались пароходы, расцветные флагами всех наций. На бортах пароходов — лозунги, написанные на трех языках — по-немецки, по-польски и по-русски. «Фриден» — по-немецки, «Покой» — по-польски, «Мир» — по-русски. Это кровно близкое всем слово повторялось на сотнях плакатов и транспарантов.

Шесть больших пароходов едва вместили делегатов «миссии мира». Под звуки сводного оркестра был дан сигнал к отходу, и юные пионеры выпустили голубей. Белокрылые птицы закружились над машущей толпой, над пестрыми пароходами, над взрыхленной глadio анкламской бухты.

Курс на Шепин, к морской границе Германии и Польши.

В продолжение всего пути от Анклама до границы на пароходах не умолкали песни, гремели оркестры, неутомимо демонстрировали свои достижения самостоятельные коллективы. Короткие, написанные «на злобу дня» скетчи и сценки веселили необычных пассажиров. Здесь были представлены сатирические песенки, исполняемые в манере популярного немецкого артиста и революционера Эрнеста Буша, цирковые номера, пародии на боннское «правительство» и его покровителей. То там, то здесь на пароходах слышались русские песни. Казалось, молодежь поставила своей задачей: не дать за весь долгий путь остыть общему накалу дня борьбы за мир. И нужно сказать, что это удалось ей в полной мере.

Когда подходили к границе, на головном пароходе умолкли песни и шутки. Все собрались на верхней палубе вокруг группы юношей и девушек в синих рубашках (форма членов Союза свободной немецкой молодежи). Здесь писали письмо. Письмо, адресованное всем.

И второй раз в этот день нам довелось услышать живые слова Алек-

сея Максимовича. Письмо начиналось так:

— Великий пролетарский писатель Максим Горький сказал: «Не смотря ни на что, все-таки люди, со временем будут жить, как братья». Мы повторяем эти слова на морской границе Германии и Польши. Мы хотим, чтобы эта граница вечно была границей мира и дружбы. Да здравствует мир! Да здравствует дружба между народами! Да здравствует Генералиссимус Сталин!

Это письмо выражало настроение всех делегатов «миссии мира». Его содержание передавалось с одного парохода на другой, и в ответ приходили горячие восторженные отзывы.

По старой морской традиции письмо было положено в бутылку и запечатано смолой. Под звуки фанфар и шум рукоплесканий бутылка была брошена в море. Пока легкий ветер гнал ее по морской зыби, на бортах пароходов не прекращались приветственные выкрики, музыка и аплодисменты. Бутылка уплывала все дальше и дальше. Инициатор и автор письма — руководитель анкламской молодежи, долго провожал ее глазами, потом повернулся ко мне и сказал:

— Пусть плывет. Ее обязательно подберут рыбаки или проходящий пароход. Может быть, это будут англичане или французы, шведы или норвежцы. Все равно, кто бы ни подобрал, пусть знает, что сегодня на морской границе двух государств реяли флаги мира и дружбы. И так будет вечно!

Я сердечно пожал руку этого красивого юноши и спросил его:

— Почему так получилось, что именно здесь, на анкламских пароходах, и утром, в анкламском порту, дважды вспомнили слова Максима Горького?

— Потому, что он наш, — ответил юноша. — Англамцы его знают лучше других, он здесь жил.

— Горький жил в Анкламе?

— Нет, не в самом Анкламе, но недалеко отсюда. Если хотите, завтра можно будет поехать туда, где он жил.

Отъехав по меньшей мере сотню километров от Анклама, дважды переправившись на пароме через реку, бурлящую вокруг тяжелых глыб, упавших в нее взорванных мостов,

поднявшись на высокий холм, поросший стройными соснами и орешником, мы увидели лежащий далеко внизу, на берегу залива, маленький курортный городок Герингсдорф.

Двухэтажные, так же похожие друг на друга, виллы стояли в глубине небольших садов. Возле кокетливо подырашенного домика городской почты мы увидели табличку: «Максим Горький штрассе».

Пройдя пешком почти до конца улицы, мы увидели стоящий на бугре двухэтажный дом с мезонином и надписью на фронте «Ирмгард».

Здесь многие виллы названы как-им-либо именем. «Ирмгард» — название дома, в котором жил Алексей Максимович. На его фасаде четко выделялась мраморная доска, увитая гирляндой золотых осенних листьев. На доске высечено на немецком языке:

«Здесь с мая по сентябрь
1922 года

жил пролетарский писатель
Максим Горький».

Дом этот когда-то принадлежал доктору Бехер, известному не столько своими успехами в медицине, сколько путешествиями и знакомствами с великими людьми. Это был образованный, прогрессивный человек, много ездивший по свету, много видевший. И то, что Горький решил провести именно у него лето 1922 года, вероятно, не было простой случайностью.

Теперь в этом доме живут сестра доктора — Маргот Бехер и ее племянница. Обе уже пожилые, тихие, но словоохотливые женщины. Они показали нам все, даже больше, чем нас интересовало.

В первую очередь хозяйки провели нас в «Музей Горького», как громко именовали они комнату с фотографиями. Фотографии занимают все стены и лежат в альбомы, на низких столах.

Группа немецких студентов разглядывала их, записывая что-то в тетрадки. Маргот Бехер объяснила нам, что с того времени, как в германских школах и университетах стали преподавать русский язык и советскую литературу, приток посетителей в музей значительно увеличился.

Студенты подолгу стояли возле аккуратных стендов с цитатами из произведений Горького, его высказы-

ваниями и фотографиями. Это были хорошо знакомые нам слова и снимки. И все же здесь, вдалеке от Родины, мы встречались с ними, словно впервые, с волнением и радостью. Нам хотелось видеть все, что было связано с жизнью здесь Алексея Максимовича, и нам показали «его спальню», «его беседку», «его рабочий кабинет».

Рабочим кабинетом Алексею Максимовичу часто служила светлая комната-веранда, выходящая в сад. В ней мы застали посетителей значительно больше, чем в комнате с фотографиями.

Первое, что мы увидели в комнате-веранде, это резной деревянный бюст Горького, возвышающийся над посетителями. По обеим сторонам бюста прямо на стене написано по-немецки и по-русски:

«..и несмотря ни на что, все-таки люди со временем будут жить, как братья».

М. Горький».

Это были слова, которые написала молодежь в своем письме на морской границе Германии и Польши.

— Отсюда мы их взяли, — объяснил наш проводник, — здесь он их написал. Эти слова не вошли еще ни в полное собрание сочинений писателя, ни в сборники его статей и высказываний. Они были написаны здесь в 1922 году и долгие годы оставались в тайнике хозяина дома. Прошли годы, подобные столетиям, над миром пронесся коричневый смерч, зарожденный на германской земле, обманутый немецкий народ, ввергнутый в пекло несправедливой войны, приняв на себя гнев и ненависть всего человечества, гибли люди в концлагерях и на фронтах второй мировой войны, а слова великого писателя продолжали жить:

«Несмотря ни на что, люди будут жить, как братья!».

Гром нашей победы, голос всеобщего освобождения от фашистского ига докатился до маленького курортного городка, и слова о мире, сказанные нашим великим соотечественником, стали достоянием всех.

На письменном столе, в рамке под стеклом, хранится книга, в которой когда-то записывали свои впечатления и пожелания гости доктора Бехер. Книга раскрыта на странице записи Горького, 25 сентября 1922 года Алексей Максимович написал

знакомые нам теперь слова. Ровные, аккуратные строчки. Дата и подпись. Внизу, на той же странице, — перевод на немецкий язык, сделанный сыном Горького Максимом Алексеевичем.

Иногда хозяйка музея разрешает вынуть из-под стекла эту книгу и сделать новую запись. На пожелтевших листах можно встретить многие имена, но больше всего имен русских офицеров и солдат. Заявив городок Герингсдорф, советские воины, едва узнав, что здесь жил Горький, взяли этот дом под свою охрану. Они помогли восстановить его, помогли организовать этот небольшой музей. Восстановили веранду, на которой любил сидеть Горький, любящий широкой долиной, расстилающейся внизу за «Ирмгардом», беседку, увитую плющом, где отдыхал Алексей Максимович в жаркие июльские дни. Вернули в дом проданную было или просто расхищенную мебель, которой пользовался писатель.

Теперь хозяйка, с благодарностью вспоминая об этом, по праву называет все эти вещи не иначе, как:

— Стол Горького, шкаф Горького, рояль Горького... Ах, как он любил рояль!

Перелистывая страницы книги, в которой оставил свою запись Максим Горький, мы читаем сердечные и трогательные слова советских солдат-победителей, пришедших сюда с берегов Волги и Дона, из Ленинграда и Сибири. Они принесли сюда мир для всего мира, и их встретил здесь великий земляк словами о мире:

«Люди будут жить, как братья!» — сказал наш Максим Горький. Сбудутся твои пророческие слова!

Гв. сержант Михнев».

Пророческими называют эти слова почти все солдаты и офицеры, оставившие свои записи в книге для посетителей музея.

«Великий писатель был другом Сталина, вот почему он видел дальше других. Наша вера в мир никогда не погаснет, как не погаснет и наша любовь к Максиму Горькому!»

Танкист Быстрих А. П.».

Записи сделаны по-русски, по-немецки, по-польски, на английском, датском, французском языках, и все об одном. Все о мире между народами. Все о том, что слова Горького — пророческие, живые слова!

Микола САДКОВИЧ.